

РЕЦЕНЗИИ

Элеонора Шестакова

„В КАКОМ-ТО ОПРЕДЕЛЕННОМ УЕДИНЕННОМ УНДИННОМ МЕСТЕ СЕРДЦА – ЖАР И ЖУТЬ...”

**Рецензия на монографию Е.Л. Лавровой
„М. Цветаева: основополагающие принципы бытия”
(Горловка: Изд-во ГГПИИЯ, 2007. – 400 с.)**

Первый вопрос, который немедленно и довольно-таки остро возникает при взгляде на книгу Е.Л. Лавровой „М. Цветаева: основополагающие принципы бытия”, о чем она? Что значит, каким образом могут быть соединены разноликие и разнородные проявления М. Цветаевой – человек, женщина, дочь, сестра, подруга, возлюбленная, жена, мать, поэтесса – и основополагающие принципы бытия? Чьи же это основополагающие принципы бытия? Как предлагается посмотреть на М. Цветаеву – ту, которую уже довольно-таки хорошо знают как одну из самых ярких творческих личностей первой трети XX ст., ту, которая сказала о себе, о всей своей семье с предельной, почти трагически-провидческой откровенностью и обреченностью Судьбе, что у них *общая лирическая неизбывная беда*?

С. Кржижановский, посвятивший еще в 1931 г. специальную работу поэтике заглавий, уже на первых страницах ясно и лаконично исчерпывающе выразил сущность этого элемента произведения: „слова на обложке не могут не общаться со словами, спрятанными под обложку. Мало того: заглавие, поскольку оно не в отрыве от единого книжного тела и поскольку оно, в параллель обложке, облекает текст и смысл, – вправе выдавать себя за главное в книге. <...> Книга и есть – развернутое до конца заглавие, заглавие же – стянутая до объема двух-трех слов книга. Или: заглавие – книга *in restricto*; книга – заглавие *in extenso*” [1, с. 3]. И если первичное восприятие книги Е.Л. Лавровой действительно ставит, казалось бы, неразрешимый и не нужный в таких случаях вопрос (даже череду вопросов), то приближение, погружение и познание *единого книжного тела* снимает их, обнаруживая и обнажая иные смыслы. Более того, принципиальную невозможность какого-либо иного названия для этой книги о М. Цветаевой. Что имеется в виду?

Для современного литературоведения, как хорошо известно, характерно переплетение и взаимодействие, даже можно сказать, небывалый плюрализм методов, подходов, ценностных способов видения и артикуляции практически всех литературоведческих

категорій, понять, явлень, в том числі і літературного произведения, сущности словесно-культурного процесу, особностей трактування індивідуально-авторських систем, специфіки розуміння складного характеру творчої індивідуальності. Проблема взаємозв'язу, взаємозв'язу і взаємоосуществлення людського і творчого початку в єдиній особі Художника розглядається літературознавством з різних і рівноцінних ідейно-методологічних позицій: від традиційної, прагнучої актуалізувати творчість культурно-історичним процесом і пережиттями особистої життя, до доволно-таки сильної во другій половині ХХ в. некласическої, прагнучої актуалізувати творчість глибинними психоаналітичними проблемами і комплексами підсвідомої життя неординарної особі. Таким чином, Художник виявляється свого роду заложником або константною складності і неоднозначності сучасного йому культурно-історичного моменту, або складності і неоднозначності особистої, порой навіть інтимної життя. Художник бачиться або більш всього творчим людиною, призначеною одночасно виразити і запечатлети, подолати і піднятися над своїм часом, або більш всього сгустком індивідуально-колективних психоемоціональних настроїв, комплексів, проблем, призначеною втілювати і избиватися від них в творчому акті.

Е.Л. Лаврова пропонує іншою, доволно-таки цікавою шляхом, який передбачає небезпечне і провокаційне скользяння по межі. Той межі, в якій сходяться, з'єднуються і постійно суперничають, але принципово не можуть друг без друга Чоловік-Особа-Художник-Час-Сучасність-Історія-Вічність. Предложеною шляхом – це не шлях традиційного літературознавства: занадто мало об'єктивності, фактичності і об'ємності культурно-історичної епохи; це і не психоаналітичний шлях: нічого мало спробувань поглянути на Цветаєву крізь призму самооцінних еґо, лібіді, сімейно-родових спадкових і індивідуально-особистих травм, переживань, комплексів. Швидше всього, це дійсно спроба знайти і обґрунтувати субстанціальні принципи буття Художника в його цілості, цілості і безперервної еволюції, яка не може не торкнутися одночасно і людини, і творця в тій їх межовій єдиності, яка власне і є таємницею і чудом народження і існування гени. Цим цікавим дослідженням Е.Л. Лавровою, цілеспрямовано і системно спробується прослідкувати і обґрунтувати на різноманітному матеріалі (лірика, драматургія, проза, щоденники, листи, спогади самої М. Цветаєвої і спогади, зауваження, репліки про М. Цветаєву), по-можливо, найскладніше і важко визначиме, виокремлюване в систему – особливості психології творчості, творчого процесу і творчої особі.

Звичайно, що цей шлях не може бути тільки шляхом отримань, відкриттів, він повинен бути і шляхом науково-дослідницьких гіпотез, втрат, помилок, заблуджень і тупиків. Власне цим він і цінний: як

творческий и вполне равноправный диалог с Художником. Конечно же можно, например, спорить по поводу трактовки исследовательницей мифа, поэзии как мира мифологического („Всё – миф...”) или же интерпретации этических взглядов М. Цветаевой („Недрёманное око высшей совести...”), или же толкования роли брака в становлении цветаевского мироощущения („Ранний брак – катастрофа...”). Но это будет разговор о частных моментах, которые по сути не касаются общей концепции.

Называя книгу „М. Цветаева: основополагающие принципы бытия”, давая каждой главе и каждому параграфу название – цветаевскую цитату, исследовательница хотела, по крайней мере мне так кажется, обозначить многогранность и внутреннюю многоликую, противоречивую, но все равно цельность того, что уже называется просто – Марина Цветаева и что не может быть познано и понято через какую-либо одну свою ипостась. Именно так понимаемая творческая цельность и создает литературный процесс, входит и созидает словесно-культурное пространство, принципиально не знающее дифференциации на мир человека и мир творца. Не случайно Е.Л. Лаврова, размышляя об особенностях мироощущения и мировосприятия Художника, приводит знаковое пушкинское высказывание о гении и толпе: он и мал, и мерзок не так, как вы, иначе. И этот принцип *не так, как вы, иначе* пронизывает всю книгу о М. Цветаевой, которая оказывается все время и по отношению ко всему миру иной.

Подбирая и выстраивая цитаты-названия, Е.Л. Лаврова даёт своеобразную мозаику и из хорошо известных, почти хрестоматийных цветаевских строчек (*искусство – третий мир, каждый стих – дитя любви, есть, о да, иные дети – тайны*), и из тех, что знакомы лишь знатокам цветаевского мира (*танец – инстинкт, пол, это то, что должно быть переборото, в воспитании, в жизнеустройстве, в жизненном темпе – всё врозь*).

При этом *единое книжное тело* выстраивается и организуется одновременно постоянными развернутыми дискуссиями с цветаеводами и стремлением ввести в историю русской литературы те аспекты мира М. Цветаевой, которые обходились, замалчивались, не брались во внимание.

Мне, например, показались чрезвычайно интересными разделы, посвященные дифференциации красоты и прекрасного („Красота – внешнее мерило...”), а также танцу („Танец – инстинкт”) и театру („Не чту Театра, не тянусь к Театру”), точнее так: роли танцевального и театрального искусства в бытии М. Цветаевой, в становлении и существовании ее именно как Художника. В этом плане перспективно слияние культурологического, историко-культурного, философско-эстетического, компаративистского и литературоведческого подходов. Именно пересечение этих подходов, как мне представляется, дало возможность Е.Л. Лавровой выстроить свою концепцию глубоко цветаевского, внутренне изначально сложного отношения не только к хрестоматийной проблеме искусства (красоты и прекрасного), но и к

тому, что очень часто находится на его маргиналиях: к танцу и театру. При этом исследовательница постоянно и целенаправленно актуализирует и проблему красоты/прекрасного и танца, театра, актера относительно непростого, иногда внешне противоречивого, но внутренне вполне логичного цветаевского мироощущения, показывая через него особенности восприятия, казалось бы, традиционных для искусства явлений. Может быть, Е.Л. Лавровой и стоило четче прописать тот философский дискурс, который в этом плане наиболее был близок М. Цветаевой. Если уж касаться взглядов Гегеля, Шеллинга, Соловьева, Бердяева, Гадамера, то почему, например, упускать из виду Валери, который по сути близок цветаевскому миру. Может быть, стоило и четче показать непосредственное влияние этого философского дискурса на мир М. Цветаевой. Однако, наверное, подобного рода подход нарушил бы единый, выдержанный и вполне внутренне оправданный стиль книги Е.Л. Лавровой, соединяющий в себе и непосредственный историко-литературоведческий анализ, и литературоведческую публицистику.

Наиболее остро специфичность и уместность именно такого стиля проявляется в главе, посвященной одной из самых сложных и трагически-страшных проблем XX ст.: беззащитности человека, и особенно Художника, перед беспрестанными политическими катаклизмами („Политика – мерзость, которой я никогда не подчинюсь”). Е.Л. Лаврова, соединяя, сплетая в единое семантическое целое цветаевские стихи, прозу, письма, показывает медленное, почти телесно ощущаемое и переживаемое движение Художника сквозь Время и Историю через свою осознанную потерю семьи, детей, собственную гибель в Вечность. Пожалуй, привычный литературоведческий анализ не смог бы передать силу и боль, одиночество и стойкость М. Цветаевой. Публицистический стиль, применяемый в этой историко-литературоведческой работе, направлен именно на те принципы бытия М. Цветаевой, которые действительно крайне трудно подвергнуть аналитике, не выхолостив и не опустошив их при этом.

Акцентирую внимание еще раз: книга Е.Л. Лавровой интересная, во многом спорная, дающая не только ответы на вопросы об основополагающих принципах бытия М. Цветаевой, но и усиленно продуцирующая огромное количество вопросов и к художнику, и к исследователю. Однако это книга, в которой проявилась М. Цветаева как *цельное полное чудо поэта*.

1. *Кржижановский С.* Поэтика заглавий. – М.: Никитинские субботники, 1931. – 32 с.